

Людмила Гурченко

Людмила ГУРЧЕНКО: *Общая*

Газета-1998, -17-23 дек. - с.16

— Не знаю, когда была картина Саши Митты, но первая картина Ю.В. была «Девушка с гитарой». Когда он пришел в нашу группу, молодой был, смешной, ну, клоун — я подумала: идиот, наверное. И тут же он сделал что-то гениально-эксцентрично. Все замерли и через секунду засмеялись. Здесь сидит режиссер, которому я должна быть благодарна, что мы с Ю.В. составили лучшую любовную пару 75-го года. В фильме Германа «20 дней без войны». Город Джамбул, зима, минус 38 градусов, съемочный вагон 42-го года и спальный, где мы жили. Всех расселили по четыре человека, а нас с Ю.В. вдвоем. Герман говорит: «Будут неделю привыкать друг к другу, не снимаем». Через неделю я уже все про него знала: как спит, как носом свистит, как пукает. Первый материал сняли — по-моему, ничего. Слышу, режиссер говорит: «Материал нормальный. Будем снимать любовную сцену, лежа, голыми, как весь мир снимает, ничего особенного». И тут я посмотрела на лицо Никулина... Этот поезд, зима, обледенелые окна, в шесть утра стакан растворимого кофе, грим, в семь уже выезжаем. После кофе стук в дверь, я знаю, что это Ю.В., открываю. В обледенелом коридоре стоит в майке, в длинных трусах, с полотенцем через плечо. Я говорю: «Что с вами?» Он: «Будем приучать друг друга к своему телу. Я — первый». Леша, у меня сегодня был прокол гайморита, это с тех пор. Потом съемки, Герман уходит в себя, 42-й год, нужны инвалиды, идет поток сознания, он что-то непрерывно бормочет. Ю.В. изо всех сил слушает, не выдерживает, засыпает. Я его толкаю. «Да-да...» Бесконечный монолог продолжается, Ю.В. снова засыпает. Я снова толкаю: «Ну что вы, Юрий Владимирович, разве можно так?» — «Знаешь, ты меня сразу толкай». Мы думали, Герман не видит. Все видит! Уже конец фильма, мы с режиссером мало общались, Ю.В. говорит: «Поди спроси, мы любовь как

будем играть: сидя, лежа?» Подхожу к Герману: «Будьте любезны, можно обратиться. Мы любовь как будем играть — сидя, лежа, голыми?» — «Что?! Да вы что! Юрий Владимирович сразу же уснет. Ни в коем случае!» Как к такому человеку, как Ю.В., будешь относиться, кроме обожания? Это мужчина высшего пилотажа. Высшего. И последний звонок: «5-го мне будут делать операцию. Понимаешь, лежу весь в проводах, проверяют. Вдруг подскочили: что это с вами было? Говорю: да ничего, почесался. А недавно меня, говорит, выбрали «лицом года». Пошел как «лицо года» в «Метрополь», смотрю, за мной толпа, швейцар их не пропускает. Это, говорю, со мной. Пропустили. Сейчас, говорит, возглавляю Фонд мира. Собрали мы ветеранов, подарили им печенье, муку, цветы. Вдруг идет навстречу поддатый такой ветеран, моего возраста. Говорит: «Никулин, ты возглавляешь Фонд мира?» — «Я». — «А хули вы тогда в Чечню ворвались?» Я растерялся, не знаю, что сказать. Потом говорю: «Да если бы я не возглавлял Фонд мира, ты бы уже давно в заложниках сидел!» И так было каждый раз: позвонит, и жить хочется. И сейчас хочется жить, потому что этот человек все равно рядом. У меня дома стоят фотографии самых моих любимых людей. Жуков стоит, Плисецкая, Андрей Миронов, ты, Лешка, стоишь, Никулин, Равенская. Потому что эти люди незаметны. Таких больше нет.